

Из энциклопедии «Игорный Дом»

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1877), величайший картежник среди знаменитых русских писателей, без чьей игры – отчасти взяток цензорам, подававшихся как «проигрыш», – возможно, никогда не состоялся бы «послепушкинский» «Современник» и вся история русского народничества пошла бы другим путем, возможно, еще худшим, чем тот, который сложился в жизни. Игра Некрасова заслуживает отдельной монографии, поэтому здесь, за недостатком места, приводятся лишь отдельные описания его стиля игры.

В частности, Н.Г. Чернышевский приводит слова Некрасова, сказанные им в 1853 году при первом знакомстве:

«Видите ли, я играю в карты; веду большую игру. В коммерческие игры я играю очень хорошо, так что вообще остаюсь в выигрыше. И пока я играю только в коммерческие игры, у меня увеличиваются деньги. В это время и употребляю много на надобности журнала. Но – не могу долго выдержать рассудительности в игре; следовало бы играть постоянно только в коммерческие игры; и у меня теперь были б уж очень порядочные деньги. Но как наберется у меня столько, чтоб можно было играть в банк, не могу удержаться: бросаю коммерческие игры и начинаю играть в банк. Это несколько раз в год. Каждый раз проигрываю все, с чем начал игру».

Тот же Чернышевский вспоминает о мечтах Некрасова «приобрести возможность держать банк, потому что банкир, по какому-то странному ходу оборотов игры, вообще, должно быть, больше выигрывает, чем проигрывает».

В начале 1840-х годов Некрасов опубликовал несколько произведений в прозе и в стихах, посвященных непосредственно преферансу.

Публикация поэмы «Говорун» датируется июнем 1843 года – к этому времени преферанс вошел в Петербурге в широчайшую моду, – играл в него и Некрасов, ставший одним из первых «певцов» преферанса. 30 ноября 1844 года в «Литературной газете» был опубликован знаменитый фельетон-водевиль «Преферанс и солнце» – третье после книги Кульчицкого и пьесы Григорьева «главное» преферансное произведение в русской литературе.

В поэме «Чиновник», опубликованной в начале 1845 года, Некрасов признается:

*Но вечеров без карт я не терплю
И, где их нет, постыдно засыпаю...*

Интересно, что Белинский отметил «Чиновника» как «одно из лучших произведений русской литературы 1845 года». Опять-таки А.Я. Панаева в «Воспоминаниях о домашней жизни Н.А. Некрасова» рассказывает эпизод (почти наверняка под-

линный), когда преферанс превратился для Некрасова в ежевечернюю игру (а отнюдь не прелюдию к банку или другому азартному занятию):

«Я уже упоминала, какие печальные последствия имела история Петрашевского на «Современник». Все говорили тихим голосом, передавая тревожные известия об участии литераторов, замешанных в историю Петрашевского. По вечерам, для развлечения, Некрасов стал играть в преферанс по четверть копейки с двоюродными братьями Панаева, с художником Воробьевым и его братом».

В более поздние годы, когда Некрасов стал членом Английского клуба, когда игра стала для него и радостью, и необходимостью, и ежедневной повинностью, преферанс, разумеется, отошел на второй план. А.М. Скабичевский приводит по памяти довольно пространственный монолог Некрасова, рисующий само его отношение к карточной игре как к творческому и во многом мистическому процессу:

«Самое большое зло в игре – проиграть хоть один грош, которого вам жалко, который предназначен вами по вашему бюджету для иного употребления. Нет ничего легче потерять голову и зарваться при таких условиях. Если же вы хотите быть хозяином игры и ни на одну минуту не потерять хладнокровия, необходимо иметь особенные картежные деньги, отложить их в особенный бумажник и наперед обречь их ни на что иное, как на карты, и вести игру не иначе, как в пределах этой суммы.

Вот, например, я в начале года откладываю тысяч двадцать, – и это моя армия, которую я так уж и обрекаю на гибель. Начинаю я играть, – допустим, что несчастно, проигрываю я тысячу, другую, третью, – я остаюсь спокоен, потому что деньги я проигрываю не из своего бюджета, а как бы какие-то посторонние. Положим, что играю я в штосс, вижу – в штосс мне не везет. Тогда я бросаю его, принимаюсь за ландскнехт. Играю в него – неделю, месяц. Если и в ландскнехт не везет, принимаюсь за макао, за пикет, за мушку. И поверьте, что перебравши таким образом три-четыре игры, я непременно натыкаюсь на такую, в которой мне так начинает везти, что я в два-три присеста не только возвращаю все проигранное в предыдущие игры, но и выигрываю еще столько же. Напавши таким образом на счастливую игру, я уж и держусь ее до тех пор, пока мне в ней везет. А чуть счастье отвернется, я бросаю ее и опять начинаю искать своей полосы в других играх. И я не знаю уж, что за чертовщина, фатум какой или случайность, но верьте моему опыту, что в каждый данный момент существуют для вас две игры: одна безумно счастливая, другая – напротив того. Вся мудрость в картах в том и заключается, чтобы уметь уловить первую и вовремя воздержаться от последней. Если же вы будете упорствовать в несчастной игре и добиваться в ней поворота счастья, – пропащее дело!..»

Скабичевский констатирует также, что «в сутолоке столичной жизни он (Некрасов. – Е.В.) редко брался за перо. Не до того ему было в это время среди обедов, ужинов, карточных турниров, литературных чтений и хлопот об издании журна-

ла». В воспоминаниях Ипполита Панаева (1822–1901), двоюродного брата И.И. Панаева, есть совершенно народническое (в то же время вульгарно-христианское) оправдание игры Некрасова в карты:

«Много почитаемых и уважаемых людей играют в карты, и это не мешает им быть почитаемыми и именитыми в обществе. Клевета не касается их имени. По крайней мере, деньги, выигранные Некрасовым у людей, которым ничего не стоило проиграть, были употребляемы уже гораздо лучше, чем деньги, выигранные другими. На деньги Некрасова много поддерживалось неимущих людей, много развилось талантов, много бедняков сделалось людьми».

Настоящей эпитафией Некрасову могут служить слова, вписанные А.С. Сувориным в «Недельных очерках и картинках» (1878):

«Большой практик он был, – говорят о нем, – и стихи иногда хорошие писал, и в карты играл отлично. У него все это вместе. (Передаю это в более мягкой форме, чем говорилось о нем иногда)».

В XX веке официальное литературоведение не мытьем, так катаньем старалось оправдать «картеж» Некрасова, тем более что, как пишет В.Т. Шаламов в «Четвертой Вологде»: «Стихи отец не то что презирал – некрасовский уровень считал наивысшим. Некрасов – кумир русской провинции, и в этом отношении отец не отличался от вкусов русской интеллигенции того времени». Шаламов добавляет: «...но Некрасов ведь поэт-прозаик, лишенный многого, что было у Пушкина». Оставляя в стороне вопрос о том, что, быть может, по выражению Тургенева, в стихах Некрасова «поэзия не ночевала», приходится отметить, что едва ли не вся постнекрасовская русская поэзия, в первую очередь лирика Александра Блока, хоть разок, да «переночевала» в Некрасове.

Для истории же русских карточных игр XIX века Некрасов – одна из ключевых фигур; к тому же Некрасов был одним из немногих писателей, у которых игра и творчество проникали друг в друга, обогащались и обогащали потомков, и в ряду русских писателей-картежников ему принадлежит одно из самых первых, одно из самых почетных мест.

Е. Витковский

Консоляция – штрафные очки, род пени, взимаемые в различных играх сверх прямого проигрыша. В преферансе при ремизе играющего вистующие и сдатчик получают консоляцию в размере недобранного играющим количества взяток, помноженного на стоимость взятки. Например, при подсаде на шестерной без одной каждый пишет за фактически взятые взятки плюс одну – за безвзятие.

*В червях игру сквернейшую
Сыграл – и был без трех!
Хотя в душе нотацию
Себе я прочитал,
Но тут же консоляцию
Сосед с меня взыскал.
(Н.А. Некрасов. Говорун)*

Афанасьев-Чужбинский Александр Степанович (1816–1875) (настоящая фамилия Афанасьев), украинский и русский прозаик, поэт, переводчик, заядлый картежник и живописатель карточной игры, игрок в преферанс и в банк, уличенный в шулерстве лично Н.А. Некрасовым.

А.Я. Панаева в «Воспоминаниях о домашней жизни Н.А. Некрасова» (в не входящем в основной корпус мемуаров Панаевой фрагменте) так рассказывает о визите приехавшего в Петербург «из дальней провинции» Афанасьева в дом Некрасова:

«Он обедал у нас и после обеда предложил Некрасову и Панаеву сыграть в преферанс. Играли недолго. Панаеву надо было ехать куда-то на вечер, и он уехал. А... (Панаева не называет Афанасьева полной фамилией, но она установлена с полной достоверностью) предложил Некрасову сыграть в банк.

– Я давно не играл в банк, – сказал Некрасов.

– Ну, ставьте рубль, – сказал А..., тасуя карты.

Некрасов написал мелом рубль, прикрыл карту и, пока ставил небольшие куши, все выигрывал.

– Вот какое вам счастье, – говорил А... с досадою.

– Ну, не злитесь, – сказал Некрасов и поставил все 25 рублей, которые выиграл.

Карта его была убита.

Некрасов опять поставил 25 рублей и проиграл их.

Терминов я не припомню, но в какой-нибудь час Некрасов проиграл 1000 рублей.

Я удивилась тогда спокойствию, с которым играл Некрасов, всегда запальчивый в игре. Несмотря на уговаривание А... продолжать игру, убеждавшего, что проигравший может отыграть свои деньги, Некрасов, вставая из-за стола, сказал:

– Нет! Больше не хочу играть. Сейчас вам принесу деньги.

Получив деньги, А... уехал.

Некрасов сидел в раздумье у стола и сказал:

– Что за странность? Маленький куш ставил – выигрывал, а большой куш стал ставить – карта бита!

В это время пришли трое постоянных наших молодых гостей. Увидев, что раскрыт ломберный стол, они заметили Некрасову, что давно не играли с ним в преферанс, и стали играть, как обыкновенно, по четверти копейки.

Сдавались те самые карты, которыми метал банк А.... Некрасов, взяв карты, вдруг сказал:

– Господа, позвольте эту сдачу не считать, мне нужно осмотреть карты, – и он стал рассматривать их.

Играющие и я с удивлением следили за Некрасовым, который пристально расследовал их. Когда он окончил осмотр карт, то спокойно сказал:

– Сдавайте.

Его стали спрашивать, зачем он рассматривал карты.

– Мне нужно было.

Играя, Некрасов все время шутил.

Когда гости, поужинав, ушли, Некрасов, взяв колоду карт в руки, сказал:

– Посмотрите, каждая карта отмечена ногтем. Ай да молодец, вот для чего отпускает себе длинные ногти!»

Рассказ Панаевой выглядит в высшей степени достоверно, особенно если прочесть роман Афанасьева-Чужбинского «Петербургские игроки» – книгу, написанную если без большого художественного озарения, зато с огромным знанием игры и шулерских приемов. В книге «Очерки прошлого» (три издания при жизни автора) Афанасьев-Чужбинский подробно описал карточную игру своего времени, в том числе и преферанс.

Е. Витковский

Н.А. Некрасов. Преферанс и солнце

(Драма, разыгранная на днях в сердце одного чиновника почтенной наружности, – в одном действии, с куплетами)

Сцена I

Суббота. Чиновник идет по Невскому проспекту от Полицейского к Аничкину мосту и рассуждает сам с собою.

Вот в Петербурге и солнце! Надо отдать справедливость петербургскому климату: он с характером и любит более всего озадачивать почтеннейшую публику. Летом, когда все ждут солнца и тепла, он наряжается в темную мантию, подбитую холодным ветром и дождевыми тучами, и величественно раскидывает ее над всею столицей. Несчастные жители, желающие пофрантить новыми летними нарядами, никак не могут понять, отчего так долго висит над их головами какое-то мглистое, серо-темное покрывало, из которого каждый день сочится мелкий, убористый и проемистый дождь, наводящий уныние, как скучная статья, напечатанная мельчайшим и сжатым шрифтом; они, обученные разным наукам, очень хорошо знают, что по календарю на дворе должно стоять лето, и ждут лета с постоянством и терпением, составляющими отличительную черту их характера. Но петербургский климат, как уже выше сказано, себе на уме: он тоже воспитан в школе терпения и не снимает с себя осеннего наряда. Жители ждут неделю, другую, третью, месяц, два, наконец, выезжают на дачи, нарочно не топят, нарочно ходят в летних костюмах, едят мороженое, все это делают нарочно для того, чтоб показать, что они не замечают штук климата, не переставая, однако ж, втайне ждать «лучших дней», посматривать на горизонт, томиться, гадать... а он все-таки не дает и признаков лета! Вот уж на дворе и сентябрь месяц, пора расстаться с природой, т(о) е(сть) с дачами, пора в город, пора к занятиям и развлечениям комнатным. «Баста! верно, в нынешний год не будет лета. Так и быть, насладимся в будущее. А теперь – подготовимся к осени! Уж если лето было так пасмурно и дождливо, что ж будет осень?» И все воображают себе в приманчивой перспективе слякоть, холод, грязь и тот винегрет, который с особенным искусством готовится в Петербурге из дождя, снега, тумана, крупы, изморози и иных других материалов, совершенно необъяснимых уму смертного. Но ничего не бывало: климат опять отпускает штуку. Он дает небольшое тепло и выводит на небо солнце... Петербург в изумлении: скорее одевается, наряжается, летит на Невский, ловко соскакивает с экипажа на тротуар и, натягивая желтую перчатку, стремится от Аничкина до Полицейского и обратно, неся на себе все убеждения собственного достоинства... «Bon jour! Quel beau temps!» – «Прекрасное: надо пользоваться». – «О, да! Это, верно, не надолго». – Но на завтра – опять солнце и тепло; так стоит целая неделя. Все удивляются, чиновники говорят, кладя за ухо перо: «Хорошо бы прогуляться»; журналисты, обрадовавшись находке, воспевают погоду; дворники отдыхают; но все вместе и каждый порознь думают про себя: «Оно-то теперь хорошо: зато что будет дальше! Ох, ох, ох... А уж приударит на славу: по всему видно». И опять ожидания

обмануты! Кто купил себе новый зонтик, или резиновые калоши, или непромокаемый плащ, те начинают уж опасаться за издержку капитала, брошенного на полгода без процентов... На дворе каждый день сухо, на дворе тепло, на дворе светло, «как в сердце женщины», мог бы я прибавить, если б не было уже достоверно известно, что там «темно». «Что это значит? Вот ноябрь! Начались морозы — зима; следовательно, осени не будет?» — спрашивает один молодой человек с пожилой наружностью у другого, которого наружность неизвестного возраста. «Не знаю, mon cher! А, может быть, отложили до зимы...»

— Quelle idee!..

Таков-то петербургский климат!

Что до меня лично, я потому только не люблю осень солнца, что оно пробуждает в душе совершенно неуместные и несвоевременные стремления —

В оный таинственный свет

и кроме того рождает какую-то тень укоризны и раскаяния... «Как! — думаешь себе, — вот взошло великолепное солнце; природа пробудилась от летаргического сна; она ликует; надо бы по чувству долга человека идти в поле и праздновать там сей радостный праздник; по крайней мере надо бы идти хоть на Невский: а ты куда идешь? а? куда ты идешь?.. Ты идешь заключиться в душные четыре стены, между мертвых хартий и вековой пыли, ты идешь в архив!..» и пр. и пр. Или еще и такие мысли приходят в голову: «Вот взошла бледноликая луна; ночь тиха, и природа дремлет в величественном покое... Успокойся и ты, человек; ты, дитя природы... Но увя!.. Вместо успокоения, вместо сна, к чему ты стремишься, человек?! Куда ты направляешь поспешные шаги свои?.. Туда, где в душевной комнате расставлены зеленые столики, зажжены свечи, разложены мелки... Не звезды бледно мерцают в очах твоих: тебе мерещатся взятки, висты, консоляции... О, человек, человек!»

Да, право, такие всегда рождаются у меня печальные мысли, когда я не в свое время увижу на небе солнце... То ли дело, как еще с ночи зарядит на дворе этакое — какое-то такое: и дождь, и снег, и ветер — любо! Проснешься и, взглянув в тусклое окно, думаешь сам себе: нынче на дворе прегадкая погода, то есть такая гадкая, что, кроме преферанса, ничем нельзя и заняться... Нельзя! ну, чем вы можете убить тоску такой погоды?.. А в преферанс, должно быть, хорошо...

Да; преферанс как нарочно создан для такой погоды... Уж не заняться ли им с утра?.. В самом деле, куда деть время!.. Кто в этакую погоду станет выходить в архив?.. Не пойду... нет, лучше я отправлюсь к Петру Тихоновичу; он же, кстати, живет с братом: вот и партия.

(Приходит домой, надевает халат, закуривает трубку и ложится на кровать.)

Сцена II

Чиновник и потом Таинственный голос.

Чиновник *(потягиваясь)*

А когда на небе солнце, совсем не то... вот и сегодня у меня такие мысли, такие мысли... все преферанс да преферанс, думаю я... Как будто нельзя ничем дельным заняться? Стыд! Срам!.. Недаром и в книгах смеются, и комедию сочинили. Правда, приятно, но я совершенно согласен с учеными: для души ничего нет... Не буду-ка я играть в преферанс! Не буду!.. Оно и денег больше останется, и времени, — ну и то и другое... Прощай, преферанс! Прощай навсегда... Знаешь ли? Мне даже хочется сочинить на тебя стихи.

Таинственный голос

Как, на меня... стихи? И, конечно, похвальные?

Чиновник

Увы! Нет! Таков уже человек, что если он пишет стихи, то непременно напишет их и на дядю, и на тещу, и на приятеля... Я уж на всех написал, и теперь...

Таинственный голос

Но на меня?.. Подумал ли ты, на кого поднялось дерзкое перо твое, подумал ли

Чиновник

Да, на тебя.

Таинственный голос *(грозно)*

Замолчи, дерзновенный! Подумал ли ты, что говоришь?.. Против кого вооружаешься ты? Что бы ты был без меня, и был ли бы ты без меня?.. Не я ли тысячу раз выручал тебя в тяжелые минуты? Не ко мне ли бежал ты, когда напала на тебя черная немочь и был ты чернее тучи, и уже ясно становилось тебе, что нечего делать... Не ко мне ли бежал ты, как сын, припадающий в скорбный час на теплую грудь матери, и не всегда ли спасал я тебя?.. Не я ли учил тебя переносить терпеливо удары судьбы, быть смиренным в счастье, спокойным в несчастий, брать взятки хладнокровно, осторожно и ни на минуту не забывать, что скоротечно и несчастье, и счастье, что рушатся города, тонут пароходы и корабли, изменяет любовь, обманывает слава, улетает, как призрак, радость, — и остаются одни только ремизы, холодные и неумолимые, как судьба, — остаются вечными пятнами упрека на кармане и на душе, ночью, подобно бледным и страшным привидениям, приходят будить человека от сладкого сна, вырывают его из объятий любимой матери, нежной супруги, достойных друзей, подливают отравы в его утренний кофе, в семейное счастье, в обязанности служебной деятельности?.. И ты вооружаешься против меня, ты, человек благоразумный!.. Отрекись, отрекись от дерзостных слов твоих, или на главу твою, подобно льдистым лавинам, стремящимся с высоты

гор, низвергнутся бедствия, какие только есть во власти моей!.. Огненным дождем ослепленные, в ужасе закроются очи твои, туман помрачит слабый рассудок твой, и от края до края, в безумном смятении, испишешь ты весь зеленый стол цифрами собственного своего приговора... и не стереть тебе их, не стереть до конца дней твоих... Жена не узнает тебя, когда ты вернешься домой; собственные дети отвернутся от своего отца, самый пес твой, который, бывало, встречал тебя радостным виляньем хвоста, завоюет при входе твоём, как будто чуя покойника!.. Отруби, отруби скорей нечестивую руку свою, посягнувшую на дело позорное, ты – мой сын, мой единственный сын, потому что я не уступлю тебя никакому другому делу (да, благо, и нет его у тебя!). С помощью одной, которая останется у тебя, руки ты еще можешь сдавать карты, брать взятки, записывать ремизы... но когда отречешься от меня позорно и неблагодарно – что будешь делать ты? Страшная, страшная участь ожидает тебя!..

Чиновник *(весь бледный, с ужасом)*

Знаю, все знаю... но уже поздно: стихи готовы! Бес вдохновения овладел мною; уже он держит меня в своих страшных когтях и щиплет за язык раскаленными щипцами... Мне скучно! Мне грустно! Мне надобно разрешиться стихами... а там – будь что будет!

Таинственный голос

Молчи!

Чиновник

Не могу молчать... я тебя ненавижу, я тебя проклинаю!..
(Становится в позицию и начинает декламировать.)

И скучно, и грустно, и некого в карты надуть
В минуту карманной невзгоды...
Жена?.. но что пользы жену обмануть –
Ведь ей же отдать на расходы!
Засядешь с друзьями, но счастья нет и следа,
И черви, и пики, и все так ничтожно.
Ремизиться вечно не стоит труда,
Наверно играть невозможно!
Крепиться!.. но рано иль поздно обрежешься вдруг, –
Окончишь – ошипан как утка...
И карты, как взглянешь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка!..

Таинственный голос

Свершилось! Пустая и глупая шутка?.. И ты не шутя говоришь это? Не шутя?.. Подумай еще о том, что ты сделал... день даю тебе на размышление: я добр! Завтра зван ты к Кручинину... не придешь – ты погиб! Уже на весах судьбы давно жизнь

и смерть твоя... уже весы колыхаются... приходи... мне жаль тебя... «Не приду... У меня есть дело...» Какое дело?.. Нет у тебя дела! Ну, что ты будешь делать?

Чиновник

А в самом деле, что я буду делать?

Сцена III

Воскресенье. Чиновник возвращается домой часу в первом ночи, входит в спальню и говорит, раздеваясь:

...Проигрался! у этого Кручинина мне всегда несчастье... Вот завтра пойду к другому, авось там отыграюсь...

Ложится спать. Комната наполняется видениями, которые в виде фигур различных мастей носятся над головою героя. Между ними и Таинственный голос во фраке, на котором вместо пуговиц – восемь червей и два туза, что все вместе представляет эмблему высочайшего человеческого счастья – десять в червях.

Таинственный голос

(над ухом засыпающего, мелодическим голосом)

Грешник великий,
Ты обратился!
В черви и пики
Снова влюбился!
Вновь предо мною
Клонишь ты выю...
Ты ль, дерзновенный,
Думал спастися?..
Раб мой презренный,
Впредь берегися!
Жатвы богаты,
Жать не умеешь!..
Если врага ты
Злого имеешь, –
Дерзки поступки
Брось и смирися!
Тайны прикупки,
Тайны ремиза,
Вражьи уловки,
Сердце их, душу, –
Сколько ни ловки, –

Все обнаружу!..
Спи же спокойно!
Раньше проснися,
Благопристойно
Принарядися.
Минет день скучный,
Мрак воцарится;
Року послушный,
Сядь равнодушно —
Бойся сердиться!
Бойся свихнуться,
Бойся ремизов...
Можешь вернуться
С тысячью призов!..

Регулирование коммерческих игр в России. История вопроса

От «аще хто от клирик или колугер... играет шахмат или леки, да извержется сана» до «умение играть в карточные игры, и особенно в коммерческие, стало правилом хорошего тона»

Исследование Сергея Ковалева

Отношение к интеллектуально-коммерческим играм в нашей стране всегда было особенным, власти либо полностью их запрещали, либо же, отделяя от игр азартных, превращали в важный элемент общественной жизни. Попробуем проследить путь развития регулирования, а главное, отношения властей и общества к такому явлению, как интеллектуально-коммерческие игры.

Долгое время любые виды игр и развлечений вообще всячески осуждались различными государственными и церковными институтами. Одну из первых попыток регулирования игр на Руси мы находим в церковных документах 1280 года. Данный документ конечно же носит запретительный характер, в частности, лицам духовного сана запрещалось играть в тавлеи¹, леки² и шахматы: «леки и шахматы имети да ся останеши, ни коньнаго уристанья не зри»³. Последующие запреты также можно встретить в различных церковных наказах XIV–XV веков: «аще хто от клирик или колугер... играет шахмат или леки, да извержется сана»⁴.

1. Тавлеи (велеи) – древнерусская настольная игра шашечного типа.
2. Леки (лики) – в старину игральные карты.
3. А.И. Молодых. Правовое регулирование азартных игр в XIX веке в России // История государства и права. – 2007. № 18. С. 21.
4. Г.Ф. Корзухина. Из истории игр на Руси // Советская археология. – 1963. № 4. С. 100.

Несмотря на осуждение, игры на Руси всегда были излюбленным времяпрепровождением. Всенародную же популярность они приобретают в XVI веке. Именно в это время на Руси появляются первые игральные карты, а наша страна становится одним из главных рынков сбыта европейских карточных мануфактур.

Первые попытки государственного регулирования игр начинаются введением отдельных запретительных мер. Не исключено, что именно запреты на карточные игры подогревали интерес русского народа к заморскому новшеству. В 1551 году принимается важный государственный акт – Стоглав. Играм в Стоглаве отводится отдельная глава (глава 92), согласно которой наказуемым является как участие в играх, так и присутствие при их проведении. Стоит отметить, что различий между играми азартными и неазартными Стоглав не проводит.

В XVII веке ничего принципиально нового в регулировании игр не появляется. Они все также подвергаются гонениям. Характерная позиция властей того времени звучит следующим образом: «...возрадуются бесы и налетят, увидев свой час, и тогда творится все что им хочется: бесчинствуют игрою в кости и в шахматы и всякими играми бесовскими тешатся...»⁵.

До высшего света полюбившаяся простому люду забава добирается лишь при Петре I. Тогда же впервые происходит фактическое разделение азартных, запрещенных игр от игр, в которые играть дозволяется. Несмотря на то, что Петр I особо настольные игры не жаловал, однако изначально и не запрещал – табу подвергалась лишь игра на деньги, да и то, более 1 рубля медью. Таким образом, впервые игры дифференцируются по сделанным игроками ставкам. Однако положение дел меняется 13 декабря 1717 г., Петр I издает Указ о запрещении всех игр, чтоб «никому в карты не играть под угрозой наказания тройным штрафом денег, обретающихся в игре».

Запрет действовал недолго. В годы кратковременного правления Петра II карточная игра быстро «выходит из тени» и становится своего рода официальной придворной забавой. Она делается в такой степени необходимой, что без нее не могут обойтись ни один придворный бал, ни одно собрание при дворе. Так, например, во время торжественного обручения Петра с княжной Долгоруковой в покоях расставляются карточные столы, на которых ведется самая крупная игра в государстве.

Во времена правления Анны Иоанновны игры обретают особый социокультурный статус, превращаясь в излюбленное времяпрепровождение придворного общества, ценящего в играх не только удовольствие и эстетику игры, но и открывавшиеся перед ее участниками возможности в изысканной форме засвидетельствовать кому-либо свое благорасположение или же, напротив, свести счеты. К подобным политическим хитростям прибегает и сама Анна Иоанновна – поклонница шахмат, бильярда и карточных игр.

5. Домострой. М., 1985. С. 80–81.

Впервые в России классификация игр, делившая их на «запрещенные», в которые, к слову, все равно можно было играть «во дворцах Ея Императорского величества», и «разрешенные» («степенные»), появляется при Елизавете Петровне. 16 июня 1761 г. выходит Указ императрицы № 11275 «О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочие тому подобные игры». Именно этот Указ устанавливает, что: «Во всех честных партикулярных домах для забавы в карты в деньги играть хотя и не запрещается, только не в азартные игры, яко то: в ломбер, в кадрилию, в сенкилию, в пикет, в трисет, в комету, в контру, в панфил, в марьяж и в прочие тому подобные, а в азартные игры, то есть, в фаро, в басет, в квиндичи, в едну, в кости, в бириби и тому подобную зернь, кои запрещаются, также на вещи, векселя, дворы, деревни и ни на какие имения никому и ни в какие игры и зерн отнюдь не играть».

С этого времени карточные игры разделяются на «азартные»⁶ и «коммерческие»⁷. При этом в недрах властных структур первые встречают на словах решительное моральное осуждение, а вторые рассматриваются как «приличные» или «допустимые».

За недолгое время нахождения на троне Петр III дополняет Указ Елизаветы Петровны № 11275 новыми видами азартных игр, в кои играть запрещено.

Императрица Екатерина II Великая, занявшая российский престол после свержения своего супруга Петра III, была большая поклонница настольных игр. Кроме того, в карты, шахматы и бильярд играли практически все ее многочисленные фавориты: Платон Зубов, Григорий Орлов, Семен Зорич, Григорий Потемкин-Таврический и др. Период правления Екатерины II – это время расцвета карточной игры как в придворных кругах и столице, так и в провинциальных губерниях и уездах. Именно при Екатерине II появляются первые в России специализированные игорные клубы. М. Пыляев в книге «Старый Петербург» так описывает их появление:

«В круг общественных увеселений при царствовании Екатерины стали входить в моду клубы, или «клобы», как их тогда называли; всех их, начиная с 1770 г. по 1795 г., было основано в Петербурге семь...

В Екатерининское время самый «степеннейший» из клубов был «английский». Основан он был 1 марта 1770 г. Гарнером, богатым банкиром; вскоре этот банкир сделался банкротом, и земляки его, англичане, желая пособить ему, сделали его экономом и хозяином этого клуба. Членов в первое время здесь считалось не более пятидесяти. Плата не превышала сорока рублей; для помещения нанимался не-

6. Азартная игра (в карты, в противоп. коммерческим) – игра, в которой выигрыш и проигрыш зависят только от случая.

7. Коммерческая игра (в карты, в противоп. азартным) – игра, в которой выигрыш и проигрыш зависят в большей степени от умения и мастерства игрока.

большой дом на Галерной улице за 1500 рублей. Через сорок лет английский клуб уже имел более 300 членов, в числе которых находились высшие государственные сановники, как, например, граф М.А. Милорадович, А.А. Аракчеев, М.М. Сперанский, П.Х. Витгенштейн и многие другие»⁸.

В то время благодаря крепостному праву и освобождению от обязательной службы у дворянства высвобождается немало свободного времени. Энергично развивается субкультура комфорта и развлечений. Игра в карты становится не просто отдыхом, но даже делом. Она не только структурирует, занимает время, но и выполняет важную коммуникативную функцию. Ради коммерческих или степенных игр собираются, карты дают повод увидеться, игра помогает общению, за игрой текут беседы, благодаря игре люди знакомятся. И даже положение в обществе определяется кругом карточных партнеров⁹.

В 1778 г. популярность карточных игр обуславливает выход первой книги «Описание картежных игр с показанием правил, помощью которых всякой сам собою и без учителя во все в России употребляемые картежные игры может научиться играть правильно и искусно» автора Г. Комова. Книга становится весьма популярной в России, ведь, учитывая законодательное разделение азартных и коммерческих игр, знать все нюансы, позволяющие проводить собственное время за играми в карты и не быть обвиненным в нарушении законодательства, теперь более чем необходимо.

8 апреля 1782 г. Екатерина II вносит существенные изменения в ранее принятые законы и запрещает «играть картами или иным чем в игры, основанные единственное на случае или „газартные“», а также предлагает органам полиции следить за тем, чтобы этот запрет неукоснительно соблюдался.

Если ранее в законодательстве запрещенные азартные игры были поименованы, то с этого времени данный процесс прекращается, так как в понимание власти входит осознание того факта, что русский народ может любым играм придавать свойства азартных.

К дозволенным играм, согласно законодательству, теперь относятся:

- игры, основанные на силе и проворстве телесном;
- игры, основанные на искусстве;
- игры домашние, для отдыха в кругу семьи или друзей.

К концу XVIII века для провинциального дворянства карточная игра делается обя-

8. М.И. Пыляев. Старый Петербург. С. 213–214, 216–217.

9. В.В. Шевцов. Карточная игра в общественном быту России (конец XVI – начало XIX вв.).

зательным компонентом жизненного уклада, она считается лучшим средством против праздности в минуты отдыха, полезной и приятной умственной гимнастикой, сближающей общество и дающей повод к легкой, занимательной беседе¹⁰.

Игральные карты продолжают быть в моде и при правлении императора Павла I. Как пишет В. Шевцов, «к началу XIX века можно говорить об институализации карточной игры как массовой и характернейшей черты дворянского досуга, повседневной и необходимой модели поведения в дворянском обществе. Умение играть в карточные игры, и особенно в коммерческие, стало правилом хорошего тона, своеобразной культурной традицией...»¹¹

Деление игр на азартные и коммерческие продолжает существовать и в XIX веке. Данная дифференциация постоянно приводит к обсуждениям каждой новой заморской (да и отечественной) игры. Как и ранее, столичный бомонд всюду рассуждает о наличии в какой-либо игре признаков «нездорового» азарта. Так, например, 31 марта 1837 г. «старшины Английского клуба, заметив, что введенная в употребление в клубе игра под названием „девятка“ по существу своему подходит к азартным играм (экарте, макао и курочке), объявляют своим членам, что данная игра допущена в клубе быть не может»¹², ведь в клубе играют только в игры коммерческие.

Вообще во второй половине XIX века карточные игры были предметом не только собственно самой игры, а целого культа проведения свободного времени. Правила игр были известны московским нуворишам гораздо лучше многих законов, а из самих законов – лучше всех знали те, которые отделяли азартные игры от коммерческих. Главным местом, в котором о карточных играх знали буквально все, являлся Английский клуб. Нередки были обращения в клуб с просьбой разъяснить те или иные сложности карточной жизни. Кроме того, в клубе работал третейский суд, возглавляемый старшиной клуба, разрешающий карточные споры:

«В Совет господ старшин Московского Английского Клуба.

Как посредник и свидетель заключенного заклада, имею честь просить разъяснить следующее недоразумение, возникшее при игре в пикет: обязательно ли для сдающего скинуть три карты и взять три карты прикупа или не имеет ли права сдающий скинуть только две карты и из прикупа взять две, оставляя одну.

При сем прилагается марка на ответ.

22 апреля 1880 года, Московско-курская железная дорога, станция Змиева, село Моховое.

Его сиятельству князю А.Д. Хилкову»¹³.

28 апреля 1880 г. князь получает ответ от дежурного старшины:

10. Н. Чечулин. Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в. СПб., 1889. С. 93.

11. В.В. Шевцов. Карточная игра в общественном быту России (конец XVI – начало XIX вв.).

12. А. Буторов. Московский Английский клуб. Страницы истории.

13. А. Буторов. Московский Английский клуб. Страницы истории.

«Многоуважаемый Александр Дмитриевич! Старшины Московского Английского Клуба вследствие письма Вашего от 22 сего апреля имеют честь уведомить, что при игре в пикет сдающий может из прикупа трех карт взять две, а одну оставить. Дежурный Старшина А.С. Мусин-Пушкин»¹⁴.

При Николае II начинают открываться большие клубы и общественные собрания, в которых большей частью люди проводят время за игровыми столами.

Вот что говорит о карточных играх Устав самого популярного в то время в Москве «Охотничьего клуба»:

«52. В клубе дозволяются все игры, за исключением азартных или таких, о воспрещении которых в общественных собраниях состоялось правительственное распоряжение.

53. Подробные условия игры определяются особыми правилами, постановленными общим собранием членов».

В каждом из клубов утверждается перечень игр, в которые разрешается играть. Так, например, в Купеческом клубе можно участвовать только в коммерческих играх: преферанс, винт большой и малый, вист, пикет, рамс, безик, гальбик, покер, кабала, бостон.

В уставах большинства клубов и собраний присутствует стандартная фраза: «В карты допускаются лишь коммерческие игры, азартные же вовсе запрещаются».

Однако нельзя не отметить, что постоянно предпринимаются попытки недобросовестных клубов включить в свою деятельность игры азартные. Вот что пишет газета «Русское слово» 6 февраля 1908 г.:

«Дворянский клуб уведомил градоначальника о том, что совет старшин клуба собственным постановлением разрешил восстановить „железку“ только для членов клуба. На это извещение градоначальник ответил кратко. В посланной клубу бумаге градоначальник заявляет, что ст. 260 Устава о предупреждении и пресечении преступлений не выделяет никаких лиц, которым можно было бы играть в азартные игры. Ни членам, ни не-членам игра в „железку“, основанную на случае, а потому азартную, разрешена быть не может»¹⁵.

Настоящий удар по азартным играм происходит в 1910 г. Осенью этого года в Москве и Санкт-Петербурге всех владельцев и руководителей клубов обязывают

14. А. Буторов. Московский Английский клуб. Страницы истории.

15. Газета «Русское слово». Московскія вѣсти. «Борьба с азартом». 6 февраля (24 января) 1908 г.

дать подписку о том, что никаких «азартных» игр у них впредь проводиться не будет – только «коммерческие». Так, например, в 1910 г. газета «Русские Ведомости» пишет:

«Объявлено распоряжение градоначальника о том, что в московских клубах могут быть допущены только „коммерческие игры“ в карты (преферанс и т.п.). Азартные же игры запрещаются под страхом закрытия клуба, нарушившего распоряжение...»

Осенью 1917 г. большинство общественных собраний и клубов закрываются. Виной тому вовсе не запретительные законы, а общее состояние страны того времени. С приходом к власти большевиков азартные игры, а вместе с ними и коммерческие, поголовно осуждаются, ставятся в один ряд с пьянством, наркоманией, проституцией, тунеядством и на словах подлежат безусловному запрету как «наследие бывших царей». Уже в первых числах ноября 1917 г. дом на ул. Тверской, в котором располагался Английский клуб, занимает молодая московская милиция. Членам клуба собираться становится сначала небезопасно, потом негде, а позже и вовсе некому.

24 ноября 1917 г. постановлением Петроградского военно-революционного комитета ставится задача «закрыть все клубы и притоны, где производится игра в карты и лото». Борьба с играми проходит и вдали от Петрограда. Так, например, 24 февраля 1918 г. в Екатеринбурге напротив помещения Коммерческого собрания сжигается более 2000 карточных колод, принадлежащих собранию.

Конец 1918 г. становится трагичным для оставшихся игр. Сначала в Петрограде Исполком Петросовета запрещает бильярд, а затем 19 декабря 1918 г. приходит черед лотерей.

Начало НЭПа благотворно сказывается на играх. В 1922 г. в Республике Советов начинается их возрождение. Игры теперь официально делятся на азартные, которые, конечно же, запрещены, и на, так называемые, «неазартные». В апреле 1922 г. первые клубы для игр открываются в Москве, Петрограде, Красноярске. В основном здесь играют в лото, преферанс, винт, шестьдесят шесть.

11 августа 1922 г. утверждается постановление Совета Народных Комиссаров № 651 «О разрешении частных заведений с неазартными играми», которое разрешает открытие заведений для платной игры в неазартные игры в каждом особом случае с разрешения губернского и уездного управления. Игры, согласно постановлению, делятся на «неазартные» (бильярд, кегли, преферанс и т.п.) и игры «для физических развлечений» (карусели, качели и др.). Чтобы открыть заведение с «неазартными» играми, требовалось ходатайство крайисполкома, либо особое разрешение НКВД.

В 1927–1928 годах начинается постепенное сворачивание НЭПа. Многие из того, что было сделано за последние несколько лет, Советское государство без какого-либо сожаления списывает в утиль. На первый план снова выходит политиче-

ская мотивация оценки аморального поведения советских граждан. Игры, с точки зрения советской доктрины, надолго становятся официальными формами дегенеративного поведения населения, социального зла, несовместимого с социалистическим образом жизни. Игроки начинают относиться к той нестабильной прослойке общества, к которой принадлежат так называемые «деклассированные» элементы, цыгане, пьяницы, нищие, проститутки.

Революционные события 1917 г., а затем происходящие изменения всей системы государственного устройства постепенно уничтожают сословия, в том числе русское дворянство и буржуазию, а вместе с ними элементы их быта, досуга и культуры в целом. Именно такая участь постигает и большинство карточных игр, игр сложных, интеллектуальных, составлявших неотъемлемую часть культуры не только правящих классов, но и цвета российского общества – русской интеллигенции. Таким образом, игровой культуре не остается ничего иного, как уйти в подполье. Сломленная социальными потрясениями первых десятилетий XX века культура карточных игр в России начинает постепенно вырождаться, словно древний аристократический род, исчерпавший свой генетический потенциал. Учитывая идеи коммунизма, сама игра должна была бы стать анахронизмом.

На протяжении долгого времени существования Советского Союза легальным развлечением остаются лотереи, да тотализаторы на конных бегах и скачках, так как они считаются спортивным мероприятием. Как это ни странно, запрет обходит такую популярную карточную игру, как бридж, которая, наряду с шахматами, считается интеллектуальным видом спорта, и потому безусловному осуждению не подлежит.

В Прибалтике по еще довоенной традиции проходят командные турниры по бриджу, в которых участвуют Эстонская ССР, Латвийская ССР и Литовская ССР. Различные группы бриджа функционируют в Москве, Вильнюсе, Таллинне, Ленинграде, Киеве, Харькове, Львове, Тбилиси, Риге и других городах. В Эстонской ССР и Литовской ССР на протяжении нескольких лет существуют федерации по этой карточной игре, которые проводят различные республиканские и междугородные соревнования.

Между тем организация игры в бридж не приносит казне никакого дохода, зато приобретает все больше и больше поклонников, и это не может укрыться от всевидящего государственного ока. Кроме того, бридж весьма популярен среди диссидентов, борьба с которыми активно ведется в те годы.

На декабрьском пленуме ЦК КПСС в 1972 г. неожиданно всплывает тема отдельных видов спорта и игр, уже имеющих большое количество поклонников в зарубежных странах и набирающих популярность в Советском Союзе. В «черном» списке, наряду с йогой, культуризмом, женским самбо и карате, упоминается и единственная официально разрешенная в СССР карточная игра – бридж.

25 декабря 1972 г. публикуется решение Пленума ЦК КПСС «О некоторых фактах извращения в развитии отдельных видов спорта», а уже 25 января 1973 г.

в его исполнение выходит Указ Спорткомитета СССР «О запрещении секций культуры, каратэ, женского самбо и карточной игры в бридж».

Спорткомитет СССР осуждает «порочную практику различных соревнований, несущих вредную социальную направленность» и указывает на несовместимость бриджа, этого «буржуазного извращения» с моральным кодексом строителя коммунизма. Вследствие этого постановления разгоняются бридж-клубы, а турниры начинают проводиться тайно, и нередко нарушители закона попадают в милицию.

Запрет на бридж снимается лишь в 1990 г. соответствующим постановлением Госкомспорта СССР, вновь признавшим эту карточную игру видом спорта.

За последние 20 лет существования «новой» России ничего принципиально нового для интеллектуально-коммерческих игр не произошло. Часть из них, такие как бильярд, бридж, шахматы, шашки, смогли закрепиться в статусе официально признанных видов спорта. Остальные же, прежде всего это касается карточных игр (преферанс, покер и др.), так и остаются под негласным запретом и для большинства власть предержащих не отличаются от игр азартных.

Автор статьи благодарит за помощь Евгения Ковтуна и рекомендует его новый трехтомник «Азарт в СССР».